

Стихотворения А. С. Пушкина, написанные в стиле русских народных песен.

В области соприкосновения творчества А. С. Пушкина с русской народной песней издатели и исследователи стихотворений нашего поэта до сих пор еще не пришли к полному выяснению происхождения некоторых текстов, напечатанных после его смерти. Относительно немногих не всегда даже разрешен первый и основной вопрос: есть ли это оригинальное произведение Пушкина или просто запись народной песни? Затем возникает вопрос второстепенный: о характере оригинальных стихотворений этого рода и о способе записи песен. Последнее и в некоторых отношениях лучшее издание сочинений Пушкина, вышедшее под редакцией покойного С. А. Венгерова, в томе IV, на стр. 73—80 дает: «Народные песни в записях, переделках и переводах Пушкина» и после записей устанавливает отдел VII: «Песни, подвергшиеся художественной переработке» (стр. 79). Но, конечно, говорить о переделке или переработке возможно только тогда, когда есть на лицо объект переделки, определенная народная песня, переработанная поэтом. Такого объекта не имеет ни одна из 4-х «песен», приведенных в VII-м отделе. И если 3 песни о Степане Разине, в особенности 2 первых, имеют некоторое сходство с русскими народными песнями, то стихотворение: «Только что на проталинках весенних», даже никак не вмещается в категорию русских песен, хотя бы и подражательных. Относительно записей Пушкина необходимо определенно знать: записывал ли наш поэт песни с точностью научно-добросовестного и сознательного наблюдателя, или же исправлял, литературно обдeldывал слышанные им песни? Кроме всеми повторяемого, довольно однако сомнительного рассказа Буслаева о том, что Пушкин передавал Киреевскому, вместе с песнями им записанными, также песни, которые «смастерил» он сам, у нас нет данных обвинять нашего поэта, почти всегда идеально точного и правдивого, в сообщении собирателю русских песен

фальшивых материалов.¹⁾ Все известные нам по изданиям последнего времени записи народных песен, сделанные Пушкиным, носят в себе признаки непосредственного письменного изображения живой народной песни, спетой или рассказанной, закрепленной в записи поэта со всеми недостатками наблюдаемого текста. Укажу, например, песню о Ване Ключнике, с началом неполным и неосмысленным (Венгеров, т. IV, стр. 73), или песню: «Уже вечер на дворе вечерется», где стихи 4 и 5 совсем непонятны и не связаны с текстом (там же, т. VI, стр. 238, № XVI). Только песню № XXIV: «Уродился я несчастлив, бесталанлив», мы, вслед за Н. О. Лернером (изд. Венгерова, VI, 240, 242), могли бы несколько заподозрить в качестве подлинной народной, но, за утратой автографа Пушкина, решить этот вопрос затруднительно. Подлинность же почти всех записей Пушкина можно доказать вариантами из других источников.

В настоящих заметках мы сначала остановимся на группе оригинальных произведений Пушкина, написанных в стиле народных песен, затем скажем несколько слов о трудно отличимых от них записях. Ссылки делаем обычно на издание С. А. Венгерова, СПб. т. I—VI, 1907—1915.

I. Песня: «Вышла Дуня на дорогу, Не молившись богу»,²⁾ 1824 г., (изд. «Просвещения», IV, 329), которую Пушкин первоначально предполагал внести в III-ью главу «Евгения Онегина», после строфы XXXIX, и заменил потом «Песней девишек», несомненно принадлежит его личному творчеству и,

¹⁾ См. Буслаев, «Мои воспоминания», М. 1897, стр. 293. На Киреевского нельзя вполне полагаться по нескольким основаниям: 1. он сам «мастерил» русские песни, составляя с о д н ы е тексты из разных вариантов, в том числе и Пушкинских, 2. не отличался памятью: так, например, оставил в своих рукописях напечатанную потом в издании 1911 г., стр. 54, заметку, что Пушкин сообщил ему песни, н е и з в е с т н о где записанные, забывши свое первое печатное заявление при издании «Русских народных (духовных) стихов» о получении от А. С. Пушкина замечательной тетради песен, «собранных им в Псковской губернии» (стр. V-я «Предисловия», 1848 г.), 3. как коллекционер, не отличался точностью и аккуратностью, 4. как ученый, не имел достаточного уважения к фактам и условиям их происхождения и существования, 5. как издатель, оказался крайне медлительным и малодеятельным. Странно, что ученые, ссылающиеся на воспоминания Буслаева, как будто не замечают какое тяжкое обвинение произнес себе Киреевский, будто бы сказавший Буслаеву: «Когда это мое собрание (народных песен) будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные» (стр. 293).

²⁾ Ср. свадебную песню: «Памалившись богу, Дунюшка в избу идѣ» (Рукопись Архива Георг. Общества, Псковская г., № 31).

при всей народности ее образов и языка, не напоминает близко никакой народной песни. Жаль, что это легкое, изыщное стихотворение, полное девичьей любви и нежности, обыкновенно скрывается в не всеми читаемых примечаниях или и совсем пропускается издателями (Венгеров). Его место в отделе песен, сочиненных Пушкиным. Искусственное происхождение данной песни ясно обнаруживается в ее стихосложении: это правильные 4-х-стопные хорей, с нередкими, но не последовательными рифмами. Забраквал эту песню Пушкин, вероятно, потому, что она мало подходила к веселой обстановке легких летних работ молодых девушек в фруктовом саду и не совсем удобна для пения »хóром«. По отношению к роману Татьяны эта песня, как несчастливая встреча-предвестие, должна была внести лишнюю каплю горечи в »полное мучений« сердце героини, напоминая о холодности любимых людей и разлуке. Давая »Песню девушек«, поэт прервал слишком грустное повествование веселыми аккордами, ворвавшимися извне.

II. К числу художественных подражаний народным песням относится отрывок 1824 года:

Черный ворон выбирал белую лебедушку:
 Как жениться задумал царский арап;
 Межь боярынь арап похаживает,
 На боярышен арап поглядывает.
 Что выбрал арап себе сударушку,
 Черный ворон — белую лебедушку.
 А как он, арап, чернешенек,
 А она-то, душа, белешенька.

(Изд. »Просвещения«, V, 5).

П. О. Морозов замечает, что набросок этот относится по своему содержанию к повести »Арап Петра Великого« (Там же, V, 5). Но здесь положение »Арапа« представлено совсем иначе, чем в повести. Там арап не думает о женитьбе, ему находит невесту Петр I и сам устраивает сватовство. В данном стихотворении Ибрагиму самому приписывается выбор невесты. Очевидно во время написания этого отрывка Пушкин воображал иной план рассказа и другую обрисовку положений. То равнодушие к женщинам, которое обнаруживает Ибрагим по приезде в Россию в прозаической повести, объясняется его романом с Леонорюю во Франции. Он уже охлажден для новой быстрой страсти раз пережитой сильной и счастливой любовью, и при том носит еще эту любовь в своем сердце. Представление такого

романа едва ли могло быть в раннем первоначальном плане повести, когда, судя по данному отрывку, предполагалось, что приехавший в Россию арап будет искать в ней прежде всего любви и брака. Затруднительность его положения в этом случае была бы очень значительна. В той повести, которую оставил нам Пушкин, затруднения в женитьбе устранены инициативой и участием Петра В., а психологическая правда повествования и естественность настроения героя создались при помощи вымышленного романа с графиней Леонорой. Отсюда понятно, что черновой стихотворный отрывок о женитьбе царского арапа никак не мог войти в окончательный текст повести о нем. Вместе с данным стихотворением, след первоначального плана повести о царском арапе, представляет небольшой прозаический набросок из собрания Онегина: »Часто я думал об этом ужасном семейственном романе.¹⁾

III. »Песни о Стеньке Разине»: I. »Как по Волге-реке, по широкой»; II. »Ходил Стенька Разин»; III. »Что не конский топ, не людская молвь», 1825 г., (Венгеров, IV, 79—80) — подражания по языку и складу народным песням; они однако совершенно самостоятельны по содержанию и построению. Между прочим народные песни о Разине не знают ни одной из Пушкинских тем: 1. потопления персидской царевны, 2. спора с воеводой из за подарков, 3. картины бури, вызывающей Разина на поход по синему морю.

История текста песен о Ст. Разине обстоятельно выяснена академиком Гротом (»Пушкин«, 185—186, 189). Им же, со ссылкой на воспоминания Погодина, сохранившего в памяти начало одной песни, I. (»Как по Волге-реке по широкой«), указано, что известные по копии Погодина три песни о Разине, есть именно те, которые Пушкин предполагал напечатать (189). Цензура Бенкендорфа-Николая I нашла, что »песни о Стеньке Разине при всем своем поэтическом достоинстве по содержанию своему неприличны к напечатанию« (»Переписка« Пушкина, акад. изд., т. II, стр. 39). Это была первая литературная оценка данных песен. Затем любопытен, приведенный ак. Гротом, отзыв И. С. Аксакова: »Три песни о Стеньке Разине ни к ем и н ы м, кроме Пушкина, написаны быть не могли. Что они не из уст, не со слов народных певцов записаны, это видно с первого раза; тут видна рука художника, и великого ху-

¹⁾ См. »Неизданный Пушкин«, Петерб. 1922, стр. 152—154.

дожника» (188—189). Несколько заметок об этих песнях находится в брошюре М. Е. Соколова: «Песни А. С. Пушкина и крестьян Саратовской губ. о Стеньке Разине». Саратов, 1902. Строгий критик не признает в песнях Пушкина художественного достоинства, и даже не видит в них технического искусства поэта в отношении стиля и стихосложения. О вкусах не спорят. Заметки Соколова имеют значение лишь в том отношении, что дают для песен Пушкина несколько параллельных образов, впрочем, довольно общеизвестных, из народных песен: 1. образ плывущей по Волге лодки с хозяином и гребцами, 2. образ Волги-благодетельницы, 3. образ добычи из трех кораблей (стр. I и II).

Основной источник первой песни — рассказ голландца Иоанна Стрюйса, путешествовавшего по Волге и бывшего в Астрахани в год Разинского бунта. Стрюйс с своими товарищами два раза посетил знаменитого мятежника, и во второй раз был свидетелем происшествия, изложенного в песне Пушкина. Описание путешествия Стрюйса вышло в Амстердаме в 1676 году и имело более 20 переводов на разные европейские языки. Пушкин, вероятно, знал историю несчастной царевны по французскому переводу Гланиуса: «*Les voyages Jean Struys en Moscovie*» . . .¹⁾; русских переводов, с соответствующим текстом, в его время не было.

У Стрюйса Разин, находящийся в сильном опьянении, произносит длинную витиевато-романтическую речь, в которой он прославляет величие Волги, говорит о благодеяниях, которыми ей обязан, укоряет себя за неблагодарность; ему кажется, что он слышит жалобы и упреки реки за то, что он ничем не отплатил ей. В заключение он говорит: «Ах, прости, любезная река! Я признаюсь, что обидел тебя и, если этого признания недостаточно для того, чтобы успокоить твой справедливый гнев, я предлагаю тебе от чистого сердца то, что мне дороже всего на свете; нет более достойного изъявления моей благодарности, и ничто не может доказать лучше мое почтение за милости, которыми ты осыпала меня». С этими словами оратор схватил княжну и бросил ее в Волгу.²⁾

¹⁾ Перевод Гланиуса, вышел в Амстердаме (1681), Париже (1719), Руане (1724). При всех этих изданиях (иллюстрированных) приложена гравюра, изображающая Разина, бросающего царевну в Волгу.

²⁾ См. перевод, сделанный П. Юрченко, с Лионского издания Путешествия Стрюйса, 1682 г., в «Русском Архиве», 1880, кн. I, стр. 91—92.

Пушкин, как и последующие историки: Костомаров¹⁾ и Соловьев,²⁾ передает кратко самую сущность речи Разина, сообразно с поэтическими русскими народными верованиями.

Вторая песня тоже имеет в своей основе историческое предание. Оно изложено, по рукописным запискам Карабанова, Ф. И. Буслаевым в его собрании пословиц, изданном в «Архиве» Калачева (книга 2-ая, половина 1-ая, М. 1854). Здесь при пословице: «Возьми шубу, да не быть бы от ней шуму», рассказывается, что Астраханский воевода раздражил Ст. Разина несправедливостью своею. «Получа уже многие подарки от Разина, он хотел силою отнять у него богатую шубу дорогих соболей. Разин долго упорствовал, не внимая угрозам воеводы; но наконец, вышед из терпения, с великим ярым сердцем и злою мыслию скинул с себя шубу, и, отдав воеводе, сказал: Возьми шубу, да не быть бы от ней шуму».³⁾

Для этой второй песни Пушкин, очевидно, воспользовался живым преданием или каким-либо рукописным источником.

Третья песня Пушкина дает совершенно оригинальную поэтическую картину, ни откуда не заимствованную.⁴⁾

IV. Песня: «Как за церковь за немецкою», (Венгеров IV, 78), судя по описанию рукописей поэта, данному Якушкиным в «Русской Старине» 1884 г. (т. XLII, стр. 548), написана в 1827 или в 1828 году. Лучшее ее издание у Венгерова (IV, 78). Однако здесь четвертый стих напечатан неудовлетворительно: «Хорошу жену — часто в честной пир зовут». Фотографический снимок с рукописи, находящийся в Пушкинском Доме, показывает, что слово «часто» было потом зачеркнуто, а слово «честной» написано сверху, очевидно вместо этого слова. Венгеровское издание, оставивши зачеркнутое и

¹⁾ Собр. сочинений, СПб. 1903, кн. I, стр. 446.

²⁾ «История России», т. XI, изд. 4-ое, М. 1891, стр. 354.

³⁾ Буслаев, «Русские пословицы», стр. 160. Тот же рассказ у Костомарова («Бунт Ст. Разина», стр. 444, кн. I, изд. соч. 1903 г., со ссылкой на «Москвитянин» 1841 г. Здесь (ч. IV, стр. 165—170) напечатан отрывок о Ст. Разине из рукописного Хронографа начала XVIII века, сообщенного К. И. Аверинным. Рассказ о получении алчным воеводою подарков и требовании им у Разина шубы находится на стр. 168.

⁴⁾ Народные легенды, кажется, не могли дать поэту содержания для песен о Разине. По сказочной истории Разина, записанной Садовниковым, царевна была уоплена за непослушание. Относительно шубы любопытен здесь рассказ о похищении в Астрахани дорогой куньей шубы с бобровым воротником есаулом Разина, хотевшим удержать ее для себя. Разин нашел скрытую шубу и прогнал есаула («Сказки и предания Самарского края», стр. 342 и 339—340).

введя написанное после, соединило в одном стихе две разные редакции:

1. Хорошу жену часто в пир зовут,
2. Хорошу жену в честной пир зовут.

Об этой песне П. В. Шейн заметил, что в известных ему сборниках песен он «не мог найти соответственной параллели, а между тем она, как видно из писем поэта к своей жене, очень была известна в его время». ¹⁾ Шейн считал эту песню народной, записанной Пушкиным. В. Ф. Миллер признавал данную песню «одной из бытовых . . . , записанных поэтом». ²⁾ Н. Н. Трубецын тоже думал что это «запись», которую принято печатать в собрании сочинений Пушкина, хотя вариантов этой песни ему, как и Шейну, найти не удалось. ³⁾ Решающим основанием признания данной песни «народной» для всех исследователей, очевидно, служит ссылка на нее в письме Пушкина к жене от 30-го сентября 1832 г. Приведем эту ссылку в такой полноте, которая разъясняет сущность мысли поэта: «Грех тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих. Я только завидую тем из них, у коих супруги не красавицы, не ангелы прелести, не мадонны etc., etc. — Знаешь русскую песню —

Не дай бог хорошей жены,
Хорошу жену часто в пир зовут.

А бедному-то мужу во чужом пиру похмелье, да и в своем тошнит.» Н. Н. Пушкина вряд ли была заинтересована народной поэзией. Разве сам А. С. мог познакомить ее с некоторыми русскими песнями. Данная ссылка показывает, что поэт говорит о песне обоюдно-известной супругам Пушкиным, такой, с которой Н. Н. всего вероятнее познакомилась от мужа. Песня случайно оказалась слишком близкой к семейному положению Пушкина, и цель ознакомления с нею супруги ясна: словами данной песни Пушкин шутливо-добродушно признавал светские успехи своей жены и свое непочетное положение мужа красавицы в высшем обществе, «свете». Пушкин говорит в письме к жене о русской песне,

¹⁾ «А. С. Пушкин и народная песня», стр. 91: в журнале «Ежемесячные сочинения», 1900 г., июнь.

²⁾ «Пушкин, как поэт-этнограф», стр. 31.

³⁾ «Пушкин и русская народная поэзия», стр. 62, в Венгерском издании соч. Пушкина, т. IV.

но это не значит еще народная песня: для Н. Н. Пушкиной это могло означать только: не французская. Словом, ссылка на письмо Пушкина к жене для разъяснения происхождения данной песни не так значительна, как это кажется. Песня: «Как за церковь за немецкою», все-таки могла быть сочинена Пушкиным. Снимок с рукописи обнаруживает переделку 4-го стиха, которую легко объяснить при авторской работе и несколько затруднительно при записи готового текста. С отсутствием вариантов к этой песне, якобы народной, вариантов, не находимых несколькими специалистами в долгий промежуток времени, нельзя не считаться.

В некоторой степени родственную параллель к данной песне мы можем привести лишь из собрания П. В. Киреевского.

У барина | была барыня гожа,
 У крестьянина | получше его:
 »Крестьянин мой, | поменяем женой!
 — Боярин мой, | не меняюся женой!
 Твоя жена | не годится никуда.
 Мою жену | часто в гости зовут,
 Мою жену | во колясочке везут,
 Меня, мужа, | на веревочке ведут.
 Меня, мужа, | по жене чествят:
 Моей жене | сладка меду подают,
 А мне, мужу, быть (!)¹⁾ болотная вода.²⁾

Существование этой параллели не мешает предположению, что Пушкин, подражая именно одной из подобных, самостоятельно создал песню: «Как за церковь за немецкою». Только нахождение в произведениях народного творчества близких вариантов к этой песне могло бы удостоверить, что в бумагах Пушкина мы имеем запись, а не сочинение.

Обратим также внимание на своеобразность и редкость первого стиха данной песни. Подобный ему мы можем указать только в записи проф. М. Г. Халанского из Курской губ.

А за церковь, за немецкою,
 А ладо, ладо! за немецкою,
 А за другю за турецкою
 Там налетело голубей стадо и т. д.)

¹⁾ Может быть, вместо: пить.

²⁾ »Песни, собранные П. В. Киреевским«. Новая серия (М. 1917 г.). Вып. II, ч. I, стр. 120, № 1596. Звенигородский уезд. Записи П. В. Киреевского, 1833 года. Мы соединяем здесь по две строчки записи Киреевского в одну, означая его разделение строк отвесной чертой. Допускаем и некоторое отступление от пунктуации текста, сообразно с нашим пониманием песни.

³⁾ »Сборник II Отд.«, т. LXXVI, № 5, стр. 154.

Это — свадебная песня, которая говорит о поезде бояр-сватов и в своем продолжении не имеет ничего общего с песней Пушкина, кроме одинакового начала.

В. П. В. Шейн вопрос о происхождении песни: «Друг мой милый» (Венгеров, IV, 79; по Морозову, 1833 г.), оставил открытым, заметив, что следа ее он не мог найти в известных ему сборниках песен (стр. 95). В. Ф. Миллер заметил, что песни: «Друг мой милый» и «Один-то был у отца у матери единый сын», «производят впечатление лишь легкой ретушировки подлинных (народных) песен, которые либо лежали перед поэтом в записи, либо хранились в богатом запасе его памяти» (стр. 31). Н. Н. Трубицын заявлял, что данный текст — «почти народная любовная песня по образам и складу; ее легко можно было бы признать и подлинно-народной, — к сожалению, не удалось отыскать ни одного к ней варианта» (стр. 63).

Изучение русских песенников дает факты, опровергающие предположения Миллера и Трубицына. Данная запись Пушкина представляет собою отрывок из романса, встречающегося иногда в песенниках 1-ой половины XIX-го века. Самый старший текст этого романса мы знаем в песеннике 1810 года, откуда его и приводим.

Влюбленная девушка, которой и небольшая разлука принесла много горестей. Песня новая, на голос: «Я не думала ни о чем в свете» (тужить).

Друг мой милой, красно солнышко мое!
 Сокол ясной, златокрылой мой орел!
 Уж неделю не видался ты со мной;
 Уж неделя, как спозналась с горем я;
 Ровно семь дней, как веселья все прошли;
 Заменяла их сердечная тоска!
 Не узнаешь, друг, ты девушку свою:
 Она вянет, как без дожжичка трава;
 Она сохнет, как цветочик без росы!
 Опостылел свет ей белой без дружка;
 Ей не взмилились подружки без него;
 Игры, пляски, хороводы и мячи
 Не по нраву, не по сердцу ей пришли.
 Слезы катятся неволей из очей;
 Без тебя она не видит красных дней! —
 Я искала по полям твоих следов;
 Я бродила по сыпучему песку,
 Чтобы встретиться с голубчиком своим,
 Чтоб увидеть светел месяц мой тебя;
 Во сыром бору аукалась с тобой,
 Тяжким вздохом вызывала я дружка;
 Одни пташки отвечали мне на вздох,
 Одни пташки тосковали там со мной.

Без приюту стала девушка твоя,
 Без утехи ретиво сердце у ней:
 Приди радость, ты веселие мое!
 Приди в терем, где злощастная живет;
 Повидайся с горемычною скорей!
 Сиротою в белом свете я слыву;
 Дольше году без тебя мне каждой день,
 При тебе же год как ласточка летит.
 Долго ль буду горе мыкать без дружка?
 Ах! Не в силах боле жить я без него!
 Как весной от солнца речиньки пройдут,
 Так свиданьем друг тоску мою уймет;
 Как от ветров с дерев листья опадут,
 Как от буйных лето красное уйдет,
 Так от грусти бесталанная умру;
 Грусть сокроет во сырой земле меня,
 Без надежи, без тебя мой милой друг!¹⁾

Сравните текст Пушкинской записи:

*Друг мой милый, красно солнышко мое,
 Сокол ясный, сизокрылый мой орел;
 Уж неделю не видалась я с тобой,
 Ровно семь дней, как спозналась с горем я;
 Мне не взмились подруженьки мои,
 Игры, пляски, хороводы и . . .
 Не по нраву, не го мысли мне пришли.
 Я скиталась по темным лесам, —
 В темном лесе кинареечки поют,
 Мне, девчонке, грусть-разлуку придают.
 Ты не пой, кинареечка, в саду,
 Не давай тоски сердечку моему.* (Венгеров, IV, 79).

(Текст, совпадающий в выписке Пушкина и в романсе неизвестного автора, мы напечатали курсивом.) — Подлинник, из которого взята выписка, не имеет заметных литературных достоинств. Выраженное в нем приторно-нежное чувство ненатурально преувеличено; изложение натянуто и слишком распространено; подделка под народный стиль неискусна. Благодаря энергическому сокращению (из 40 стихов оригинала у Пушкина осталось только 7) и некоторым поправкам, стихотворение приобрело известную стройность и выразительность.

¹⁾ »Новейший и полный Российский общенародный песенник«. Изданный Ж. Г. Т. А. К. иждивением М. К. Павла Вавилова. М. 1810, в Унив. типогр., стр. 142—143, № 123. Тот же самый текст — с очень незначительными разночтениями — мы находим в следующих песенниках: — »Новейший избранный песенник« . . . М. 1814, с. 29, № 26. — »Новейший полный и всеобщий песенник« . . . СПб. 1818 г., ч. II, с. 34, № 155. — »Избранный песенник для прекрасных девиц«. М. 1820 г. — »Новейший туалетный песенник для милых девушек и любезных женщин« . . . Орел, 1821, ч. I, с. 169, № 89. — »Новейший полный всеобщий песенник« . . . М. 1822, ч. I, № 91. — »Полный новейший песенник . . . собранный И-м Гурьяновым«. М. 1835, ч. IX, с. 10, № 5. — »Собрание русских песен«, М. 1839, ч. II, с. 21. — »Новейший полный русский песенник« . . . М. 1854, ч. III., с. 16, № 8.

Последних пяти стихов Пушкинского текста (начиная со слов: «Я скиталася по темным лесам») нам не удалось найти в песенниках. Эти строчки не вполне гармонируют с предыдущими по своему менее отчаянному настроению, мещанскому стилю и языку. Кинареечка, девчонка, грусть-разлука, сердечко — подобных образов и словоупотреблений не знает ни оригинал песни: «Друг мой милый», ни ее сокращение. Может быть, эти последние строки являются самостоятельным песенным отрывком. Вряд ли, однако, они принадлежат творчеству самого поэта. От него мы не можем ожидать довольно неестественного центрального образа этого отрывка: кинареечки, поющей в темном лесе и в саду. Разве только Пушкин захотел в этом случае в шутку подражать нескладницам новейшего романса, подобно тому, как он осмел высокопарный слог старых од в «Оде гр. Хвостову».

Возможно и то, что весь сохранившийся в записи Пушкина текст взят из ходящего во времена поэта живого песенного материала, и переработка книжного романса — мещанско-народная, а не Пушкинская.

По содержанию данный отрывок из записей Пушкина следует отнести к искусственным псевдо-народным подражательным песням (стиль Мерзлякова и подобных). Ритмика здесь тоже не народная, а новейшая искусственная, с ударениями на конце и довольно прозрачными хореем: во всех стихах мы имеем пять полных хореев и шестой неполный. Исключение дает только предпоследний стих, в котором, вероятно, просто не достает слога. В правильном ритмическом строении следовало бы иметь: «Ты не пой же . . .» или что либо подобное.

VI. Песня: «Один-то был у отца, у матери единый сын» (IV, 79, рукопись 1833 г.), по своему происхождению казалась неясной. Миллер полагал, что это слегка исправленная поэтом народная песня (стр. 31). Шейн тоже думал, что Пушкин переделывал тот вариант, который напечатан у Сахарова (что недопустимо хронологически), но готов был также признать, судя «по духу, складу, поэтическим приемам», что это подлинная народная песня, записанная Пушкиным (стр. 94). Мысль о переделке текста Сахарова нельзя принять еще и потому, что она не имела бы никакой цели.

В собрании Соболевского показаны три варианта этой песни, очень близкие между собою и сходные с текстом Пушкина.

Они все из Уральской области. Эти варианты вполне доказывают, что Пушкин в данном случае записал народную песню и, без сомнения, там, где она и после сохранилась, т. е. в Уральской области, во время своей поездки в Оренбург, в конце сентября 1833 г. ¹⁾

8-го августа 1928 года.

В. Чернышев.

---

¹⁾ См. «Великорусские народные песни», т. VI, №№ 131—132. Третий вариант из собрания Мякушина здесь не перепечатан, как очень близкий к тексту № 131